

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ Г. МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР»**

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ**

**СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ И
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА**

**Сборник научных работ по итогам Международной научно-
практической конференции «Современный медиатекст и судебная
экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка»
(Москва, 12-13 октября 2023 г.)**

Москва 2023

УДК 81
ББК 81
Ф 94

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. В. Барабаш, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ф 94 Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12-13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-6049239-4-8

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в медиасреде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа медиатекстов в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации языковой личности, а также внедрения достижений компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

© ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр», 2023

ISBN 978-5-6049239-4-8 ООО «София», ООО «Союзкниг»

ИСЛАМСКИЙ ДИСКУРС В СЕТЕВОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВОПРОСЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПИСАНИЯ

Аннотация. Обсуждаются современное состояние исследований исламского дискурса, вопросы участия религиоведа в проведении комплексного исследования текстов на предмет «экстремистского» содержания. Затрагиваются некоторые аспекты экспертного исследования недоктринальных исламских текстов.

Ключевые слова: исламский дискурс, религиозный экстремизм, лингвистическая экспертиза, религиоведческая экспертиза, лексика арабского происхождения.

Ислам, его религиозные и образовательные практики, взаимодействие с разными сферами культуры, власти и общества в культурно-историческом и политическом пространстве России традиционно являются объектом исследования истории, этнологии, политологии и других наук. Тем не менее современная лингвистика в вопросах анализа мусульманского дискурса только начинает выходить за рамки «штудий», сосредоточенных на рассмотрении арабизмов в контексте заимствованной лексики русского языка, в русле классических исследований И. И. Срезневского и И. Ю. Крачковского.

Очевидно, что для теории и практики судебной лингвистической экспертизы, ежедневно сталкивающейся с необходимостью анализа текстов на предмет возможного содержания признаков возбуждения религиозного экстремизма, в том числе в исламской среде, вопросы специфики мусульманского – и шире – любого конфессионально окрашенного дискурса в русскоязычном коммуникативном пространстве являются в высшей степени актуальными. Появление в последнее время нескольких работ, обобщающих экспертную практику в этой сфере [15, 16], свидетельствует о зарождении исследовательского интереса к этой проблематике.

Так, в настоящее время вопрос участия религиоведа в комплексной экспертизе вероучительных текстов остается открытым. К. И. Бринев считает, что «вполне возможно, что религиоведческая составляющая экспертного исследования способна устанавливать значимые по делам о религиозном экстремизме факты. Однако, на наш взгляд, необходимо

230 | все-таки ответить на вопрос, каковы конкретно эти факты... складывается впечатление, что религиозоведческое исследование в настоящее время во многом дублирует лингвистическое исследование...» [3, с. 10]. Однако, и наша практика это подтверждает, кейсы, когда полноценный анализ текста невозможен без привлечения специалиста-религиоведа, не являются редкими.

Как правило, специфика анализируемого материала предопределяет случаи, когда компетенции лингвиста и психолога недостаточно для квалификации материала: механистическое сложение анализируемых признаков «экстремистского контекста» дает сбой и необходим учет культурологической или религиозоведческой составляющей дискурса.

Эксперт может обладать некими дополнительными знаниями особенностей религиозного дискурса в связи с частотностью работы с подобными текстами: «Очевидно, что полнота и точность экспертного анализа зависит не только от собственно профессиональных знаний исследователя, но и его экспертной компетенции, **опыта изучения подобных материалов, владения макроконтекстом**, элементы которого позволяют идентифицировать речь с точки зрения ее отнесенности к той или иной экстремистской / террористической организации» [19, с. 202; выделено нами – И. Н.]. Однако в рамках исследования эксперт не может выходить за пределы собственно лингвистической компетенции – иное следует рассматривать как существенный недостаток проведенного исследования и может служить основанием для признания его недостоверным.

Таким образом, следует установить, в чем заключается участие религиоведа в комплексном исследовании наряду с лингвистом и психологом. Или, иначе говоря, на какие вопросы должен отвечать религиовед при выполнении экспертизы.

Существующая практика, проанализированная на основании находящихся в свободном доступе текстах экспертиз, свидетельствует о ряде подходов.

Во-первых, эксперт-религиовед может отвечать **на те же вопросы**, что и эксперты иной специальности (заметим, что этот же путь ранее в своем становлении прошла психологическая экспертиза в составе комплексной – психолог отвечал на те же вопросы, что и лингвист).

Очевидно, что данный подход не имеет ничего общего с какой бы то ни было специальной компетенцией и невозможен в рамках проведения экспертных исследований.

Следующий подход связан с тем, что религиовед выявляет **признаки** ‘возбуждения вражды’, ‘призывов к насильственным действиям’ etc. Здесь мы сталкиваемся с проблемой методического плана. Если методикой РФ-ЦСЭ [9] разработаны и апробированы принципы установления лингвистических и психологических признаков «экстремистского» содержания, то религиозоведческая экспертиза не имеет (насколько нам известно) разработанных диагностических схем.

Безусловно, данная проблема не является неразрешимой и может быть компенсирована разработкой адекватной методики анализа.

Наконец, религиоведческая экспертиза как самостоятельная отрасль экспертного знания предполагает участие специалиста в установлении религиозного характера представленных на анализ материалов и информации относительно основ вероучения, определении основных ценностей или круга установок и практик исследуемого религиозного направления.

Имея полное право на установление специфики отражения основ вероучения в анализируемых материалах, тем не менее такой подход не соответствует цели и не решает прикладных задач, стоящих в конечном итоге перед комплексной экспертизой **конкретного материала**, – установить, содержит ли он запрещенное содержание, с указанием контекстов, в которых содержится то или иное значение.

В качестве оптимального решения предлагается видоизменение методики проведения психолого-лингвистической экспертизы с участием религиоведа. Новацией является первичное, на подготовительном этапе выделение спорных контекстов, или микротекстом со спорным содержанием, которые оцениваются каждым экспертом самостоятельно. При этом в своих самостоятельных исследованиях эксперт каждой специальности ссылается или может сослаться на выводы, полученные другим экспертом.

Например, лингвистический анализ контекста со спорным содержанием содержит перекрестную ссылку на религиоведческий анализ:

Господь наш, (нрзб.) терпение, укрепи наши стопы, и помоги нам одержать верх над неверующими людьми. О Аллах, владыка царства, ты даруешь власть кому пожелаешь, и отнимаешь власть у кого пожелаешь, ты возвеличиваешь кого пожелаешь, и унижаешь кого пожелаешь.

В результате лингвистического анализа фрагмента устанавливается, что высказывание одержать верх над неверующими людьми (взять верх, добиться победы, одолеть) употребляется не в прямом, а метафорическом значении (с указанием на частотность значения по данным Национального корпуса русского языка), имеет абстрактную семантику, не содержит описания действий и состояний, которые позволяют их классифицировать как насильственные, разрушительные, дискриминационные и т. п.

По утверждению исследователей, «военная» метафора является текстопорождающей моделью религиозного дискурса: «Военная метафорика является общим местом религиозного дискурса (в религиозных текстах часты упоминания о борьбе сил добра и зла. Ключевые образы-символы, входящие в состав военных метафор, таковы: битва, победа, оружие, знамена, меч» [4, с. 58].

Религиоведческий анализ устанавливает, что анализируемый фрагмент содержит цитирование Корана: сура 2, аят 286. В переводе Э. Кулиева данный аят выглядит так: «Аллах не возлагает на человека сверх его возможностей. Ему достанется то, что он приобрел, и против него будет то, что он приобрел. Господь наш! Не наказывай нас, если мы позабыли или

232 | ошиблись. Господь наш! Не возлагай на нас бремя, которое Ты возложил на наших предшественников. Господь наш! Не обременяй нас тем, что нам не под силу. Будь снисходителен к нам! Прости нас и помилуй! Ты – наш Покровитель. Помоги же нам одержать верх над неверующими людьми». Для мусульман данный аят означает, что мусульмане обязываются придерживаться всего, что Пророк Мухаммад принес в Коране и Сунне. Они прислушиваются к религиозным законам, принимая их и покаясь Всевышнему, а их слова преисполнены смирения перед Аллахом и подразумевают просьбу оказать им помощь в выполнении религиозных обязанностей и простить им упущения, сделанные при выполнении обязательных предписаний, и совершенные ими грехи. Одержать победу над неверующими, под которыми подразумеваются язычники, означает превзойти их в благочестии перед Всевышним.

Таким образом, как показывает религиозоведческий анализ, анализируемый фрагмент содержит аят Корана и относится к основам вероучения ислама, не содержит «экстремистских» признаков побуждения к осуществлению каких-либо насильственных, разрушительных, дискриминационных действий; возбуждения вражды (ненависти, розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признаку отношения к религии.

Представляется, что в качестве выводов в такого типа экспертизах лингвист и психолог устанавливают наличие/отсутствие лингвистических и психологических признаков «экстремистского» содержания, а эксперт-религовед делает вывод о том, являются ли достоверными сведения относительно основ вероучения в представленных материалах.

Что касается специфики исламского дискурса с экспертной точки зрения следует отметить работы А. Г. Волковой [4], Э. П. Лаврик [10], В. Д. Никишина [15, 16]. Представляется, что необходим критический разбор складывающейся библиографии экспертного описания мусульманского доктринальной и межличностной коммуникации.

Проблема видится нам еще и в том, что большинство лингвистов, занимающихся экспертными исследованиями текстов, связанных с исламом, находятся вне исламского академического и теологического дискурса. И даже возможная специализация эксперта именно в этом направлении может сыграть злую шутку, создавая «насмотренность» текстов экстремистского и террористического содержания в ущерб другим, «мирным» сферам бытования языка, в том числе межличностному сетевому общению.

Особенно ярко это различие восприятия концептов извне и внутри исламского мира проявляется в оценочности лексем, зачастую являющихся ключевыми для экспертных выводов.

Так, профессиональные исследователи заимствований из арабского языка указывают, что «использование специальной конфессиональной лексики требует ее адекватного толкования. Исламские богословы и отечественные журналисты обращают внимание на несоответствие появившихся в русском языке значений некоторых заимствований

арабским словам-этимонам, например, арабское слово [shahid] – *шахид* «мученик за веру» в русском языке семантизируется с негативной коннотацией – «террорист-смертник», [mudgahid] – *моджахед* в арабском «борец за правое дело», а в русском – «воин, террорист»; *джихад* – в арабском «усилия, старания во имя Аллаха», в русском – «вооруженная борьба» [1, с. 16].

В то время как некоторые эксперты продолжают считать положительную оценочность слов *джихад*, *моджахед* одним из языковых маркеров «террористически окрашенного текста»: группа «слов с положительной оценочностью ... связана с обозначением понятий, принципиально важных для идеологии терроризма и составляющих саму ее суть (напр., джихад, устрашение, насилие, террор, убийства и др.)» [5, с. 34].

Например, экспертиза текстов песен Т. Муцураева с положительной оценкой джихада (*О Аллах, лишь в джихаде жизнь ясна!.. Лишь в джихаде, лишь в джихаде жизнь ясна!; Мы – Аллаха воители, Мы – мусульмане. И в решающей битве Победа за нами. И к Священной войне Должен каждый звать. Предстоит нам последний Великий Джихад; ...Нас спасет лишь последний Великий Джихад*) потребовала от эксперта специального указания о присутствии в анализируемых текстах лингвистических признаков возбуждения вражды, ненависти (розни) по отношению к группе лиц, выделенной по религиозному признаку (*немусульмане*), **при условии понимания джихада как вооруженной борьбы с неверными во имя торжества ислама** (выделено нами – И. Н.). Срв. со значением слова джихад согласно академическому словарю: «вооруженная борьба с неверными во имя торжества ислама» vs. «усердие в вере, совершенствование своего я», «приложение максимальных усилий по защите и распространению ислама» [6, с. 66-67].

Несмотря на научную разработанность вопроса о арабизмах в русском языке, следует отметить, что такие лексические единицы, как устойчивые речевые формулы, являющиеся спецификой межличностного общения мусульман, в том числе посредством социальных сетей и мессенджеров, еще не получили должного исследовательского внимания в юрислингвистическом аспекте.

К таким единицам мы относим следующие:

- *альхамдулиллях* «хвала Аллаху»
- *астагфируллах* «прошу прощения у Аллаха»
- *аузубиллях* «прибегаю к защите Аллаха»
- *бисмиллях* «во имя Аллаха; именем Аллаха; ради Бога»
- *иншалла* «если захочет Аллах»
- *машалла* «как угодно Аллаху»
- *субханаллах* «пречист Аллах», «свят Аллах» или «хвала Аллаху»

Следует признать, что указанные лексемы, не входящие в активный узус, но присутствующие в речи русскоязычных мусульман, не изучены. Важность учета этих единиц заключается в том, что они задают модальную

234 | рамку высказывания, передавая эмоции удивления, сожаления, восхищения, возмущения, страха, испуга и т. д.

Лексический статус и грамматические функции этих слов не определены: ряд исследователей считают их модальными словами [18], междометными словами [2], междометиями эмоционального состояния [7], этикетными формулами [13, 21], религиозными «клише» [11], религиозными восклицаниями [14, с. 153-155]. В используемой терминологии подчеркивается их иноязычный характер и неосвоенность лексической системой русского языка – они описываются как ориентализмы, ксенизмы, этнографизмы [12].

Указанные слова не имеют фиксированного кириллического написания, сложившаяся практика их графического оформления противоречива. Только слово *иншалла* лексикографировано, остальные не включены ни в один из словарей, и их написание на русском языке представляет собой актуальную орфографическую задачу.

ИНШАЛЛА — ИНШАЛЛА(Х) [арабск. «во имя Аллаха»] во имя Бога, с Божьей помощью, во имя Аллаха молитвенная ритуальная формула у мусульман [8].

ИНШАЛЛАХ (тур.). Магометанский возглас: «Так хочет бог» [20].

Так, нами зафиксировано более 10 вариантов представления слова *иншалла* на русской графике. О. И. Александрова выбирает вариант *инша'а – лла* «даст Бог, во имя Аллаха» [8, с. 16], по-видимому, являющийся наиболее близкой транскрипцией исходного арабского слова. «Ин» означает «если», «ша(а)» – «воля». Иные модификации (их частотность представлена в таблице):

«Каждый зарабатывает что-то, чтобы прожить этот день, а дальше – иншалла и воля высшей власти, что судит без суда и страсти» (Гиголашвили М. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко).

«На вопрос о возможной военной интервенции со стороны Турции, Ирана или Багдада кто-то с улыбкой отвечал «Иншаллах», а другие и вовсе говорили, что «соседи два месяца побуянят и угомонятся» (Малыженков С. Ирбиль – Сулеймания // lenta.ru, 2017.09.27).

«Инша Аллах, некоторых из вас мы очень скоро уьем за вышеописанные действия» (Коц А. «Моджахеды» угрожают журналистам // Комсомольская правда, 2012.12.03).

	Гугл-поиск	НКРЯ		сайт Духовного управления мусульман РФ
		основной поиск	газетный корпус	
иншалла	171 тыс.	11/35	22/25	7
иншаллах/ иншалЛлах	250 тыс.	3/5	78	около 30
иншааллах/ иншаАллах	419 тыс.	-	-	более 100

инша Аллах/ Инша Аллах	104 тыс.	-	-	более 100
ин ша Аллах/ ин ша Аллах	366 тыс.	1/1	-	более 50
ин шаа Аллах	138 тыс.	-	-	-
инша Алла/ инша' Алла	22 тыс.	-	-	1

Как можно заметить, присутствует три способа графического выделения исходной основы *Аллах* в производных:

- 1) графическая эпентеза – дополнение основы буквой ‘х’ для нехарактерного для русской фонетики звука [h]: *иншалла VS. иншаллах, инша Алла VS. инша Аллах*;
- 2) разрядка – устойчивые выражения расчленяются на части, значимые в арабском языке: *инша Аллах, ин ша Аллах, ин ша Аллах, инш Аллах*;
- 3) капитализация – выделение прописной буквой собственного имени *Аллах*: *иншаллах VS. иншАллах, иншаАллах, иншаЛлах*.

Мы исходим из того, что рассмотрение указанных единиц как модальных, служебных слов не соответствует их реальному статусу в речи верующих. И проблемы с их передачей на русский язык, желание дезинтегрировать, графически выделить присутствующую в арабском источнике основу *Аллах* свидетельствует об этимологизации слов, возврате к их исторической этимологии, полнзначности.

Таким образом, специфика речевой коммуникации мусульман охватывает большой круг вопросов, исследование которых только начинается. Следует ли учесть, что особенность исламского дискурса – предписание общения с Богом на арабском языке? Можно ли предположить, что оценочное переосмысление арабских слов на русской почве повлияло или будет влиять на их восприятие и употребление российскими мусульманами? Эти вопросы исследователям еще предстоит осознать.

Культурообразующая роль ислама для многих народов России в сочетании с вызовами времени предопределяет необходимость пристального внимания к экспертному описанию особенностей мусульманского дискурса.

Литература

1. Александрова О. И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка. АКД. М., 2010. 21 с.
2. Блягз З. У. Взаимообогащение языков и культур разных народов, роль иноязычных элементов, методы и приемы их использования в русской и адыгейской речи младших школьников / З. У. Блягз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoobogaschenie-yazykov->

236 | i-kultur-raznyh-narodov-rol-inoyazychnyh-elementov-metody-i-priemy-ih-ispolzovaniya-v-russkoy-i-adygeyskoy/viewer (дата обращения: 24.05.2023).

3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме / К. И. Бринев // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 7-13.

4. Волкова А. Г. Дискурсивные метафоры религиозных текстов и их анализ в судебной лингвистической экспертизе / А. Г. Волкова // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 3(31). С. 56-59.

5. Заварзина Г. А. Языковые маркеры террористически окрашенного текста и методика их выявления / Г. А. Заварзина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1. С. 30-39.

6. Ислам: Энциклопедический словарь. Отв. ред. С. М. Прозоров. М., 1991. 315 с.

7. Исянгулова Г. А. Лексико-семантическая классификация междометий эмоционального состояния в современном башкирском языке / Г. А. Исянгулова // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. № 3. С. 777-783.

8. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. 2006. URL: <https://dic.academic.ru> неправильная ссылка (дата обращения: 23.05.2023).

9. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

10. Лаврик Э. П. Специфика лингвистической экспертизы текстов, содержащих оправдание террористической деятельности / Э. П. Лаврик // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции. М., 2019. С. 142-149.

11. Магомедова П. А., Гасанова М. А. Репрезентация концепта ВЕРА/ИМАН в русскоязычном религиозном (исламском) дискурсе / П. А. Магомедова, М. А. Гасанова // Филология: научные исследования. 2022. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39474 (дата обращения: 23.05.2023).

12. Намитокова Р. Ю., Сапиева С. К. Кавказская лексика как транслятор культурных смыслов в русском языке и речи / Р. Ю. Намитокова, С. К. Сапиева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 168-172.

13. Насипов И. С., Хабутдинова М. М. Религиозный дискурс в повести А. Йылдырым «Бегущие к свету» и романе Ф. Байрамовой «Нижрэт» («исход») / И. С. Насипов, М. М. Хабутдинова // Вестник ТГГПУ. 2021. № 3(65). С. 128-133.

14. Неровная М. А. Особенности репрезентации исламской религиозной лексики в англоязычном художественном тексте и ее перевод на рус-

ский язык (на материале романов Халеда Хоссейни) / М. А. Неровная // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 151-160.

15. Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика. М., 2022. 240 с.

16. Никишин В. Д. Судебная экспертиза как форма использования специальных лингвистических знаний для выявления признаков словесного религиозного экстремизма / В. Д. Никишин // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 251-256;

17. Никишин В. Д. Текст религиозного характера экстремистско-террористической направленности как объект герменевтического исследования и источник криминалистически значимой информации в судебной лингвистической экспертизе / В. Д. Никишин // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 118-127.

18. Саттарова С. С. Семантическая классификация модальных слов в современном крымскотатарском языке / С. С. Саттарова // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2020. № 6-2. С. 40-44.

19. Хазимуллина Е. Е., Фомина Ю. С. Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы) / Е. Е. Хазимуллина, Ю. С. Фомина // Политическая лингвистика. 2019. № 6(78). С. 197-204.

20. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 23.05.2023).

21. Эмирова А. М. К вопросу о феномене маргинальной литературы / А. М. Эмирова // Вопросы русской литературы. 2012. № 23(80). С. 157-166.

I. A. Neftyasheva

ISLAMIC DISCOURSE IN ONLINE INTERPERSONAL COMMUNICATION: PROBLEMS OF EXPERT DESCRIPTION

Abstract. The article deals with the current state of research of the Islamic discourse, the participation of the religious expert in the complex study of texts on the subject of extremist content. The author tries to clarify some aspects of the expert study of not doctrinal Islamic texts.

Keywords: Islamic discourse, religious extremism, linguistic expertise, religious expertise, vocabulary of Arab origin.